

Памяти поэта

*Главное — величие замысла, как говорит Иосиф.
Из письма А. Ахматовой*

1.

Уставившись в небо,
в пустые черты
в прямую, как скрепа,
лазурь слепоты,
как взгляд берет внутрь,
в свой взвившийся дым
скарб, выморок, утварь,
все, что перед ним, —

как лоно лагуны,
звук, запах и вид
загробные струны
сестер Пиерид
вбирают, вникая
в молчанье певца
у края
изгнанья, за краем конца —

2.

Так мертвый уносит,
захлопнув свой том,
ту позднюю осень
с названьем «при нем»,
ту башню, ту арку,
тот дивный проем,
ту площадь Сан Марко,
где шли мы втроем.

3.

Не друг, не попугчик
(не брат? не собрат?),
в бряцанье созвучий
родной звукоряд
державший,
как тот,
кто решил наперед,
что жизнь
не заманит
и смерть
не собьет, —

как руль
корабельщик,
как конный — бразды,
как путники

угол

земли и звезды:

все мимо, все меньше:

молельня, базар...

Звук — странная вещь:

Мельхиор. Балтазар.

Заставы. Нагорья.

Секретный союз,

звук — странное горе:

служение Муз.

Чего же искал он,

дух, бросивший всех:

рог, верящий в Карла?

Дым, ищущий: вверх!

4.

О да, мы рождались
в пространствах других,
где древняя жалость
не видя живых,

крылом перебитым -

к таким как сама

(не Дева Обида:

безродная тьма) -

к забытым,

забытым,

к незашто убитым,

к сведенным с ума....

5.

Гребец на галере,
кощей на цепи,
этапник в безмерной,
безмерной степи
тоску свою вложат
в то, жгущее всех:
вверх!
Здесь невозможно
без этого: вверх!
Иначе,
сглотнув наше вечное «Нет!»,
котел твой и нож твой,
позор — людоед.

6.

Как дверца,
открытая птице лесной,
как сердце,
враждебное тяге земной, —
от всех гравитаций
отвязанный плот.
Кто сможет остаться,
как он поплывет?

7.

То дым не пожарищ,
не горных атак,
не сел, выдыхающих
душу во мрак,
не тленья,
не гари, не огненных мук,
дым — вечер моления,
он, как Шива, сторук.

8.

Вначале шатаюсь
на ватных ногах,
клубясь, утыкаясь,
петляя в кустах —

и над всею потравой,
над долинами слез

—О Господи, слава
Тебе — занялось! —

он встает на колени,
словно сердце царей,
дым благословенный
земных алтарей.

9.

...Вечернее море
отрада Сафо,
звезда за звездой,
строфа за строфой...

Там больше не вспомнят,
кто умер, кто жив.
Усталый наемник,
волов отрешив...

Что чище того,
что сгорело дотла?
Что бездне нет дна и
звездам нет числа...

10.

Как дети играют:
«Чур, первую мне!»
у края
вселенной, в заочной стране —

забвения мак,
поминания мед
кто первый уйдет,
пусть с собой и берет —

туда, где, как сестры,
встречает прибой,
где небо, где остров,
где: Спи, дорогой!

Как сразу же услышит читатель, образцом стиха для этой вещи стало ахматовское «Путем всея земли»; услышит он и цветаевские обороты. Мне хотелось, чтобы две эти российские Музы участвовали в посвященных памяти Бродского стихах. Сам Бродский в стихах на смерть Элиота взял образцом оденовское «На смерть Йейтса» (Прим. автора).